

КРИТЕРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ С. ХАНТИНГТОНА

Е. В. Беляцкая

Белорусский государственный университет, г. Минск;

sub_cultura@mail.ru

науч. рук. – В. В. Анохина, канд. филос. наук, доц.

В статье рассматриваются проблемы политической модернизации как процесса структурных изменений во взаимоотношениях между государством, рынком и гражданским обществом. На основе анализа концепции «третьей волны» С. Хантингтона выявляются критерии эффективности политических преобразований и формирования новых практик управления в процессах перехода к современным демократическим формам социальной организации.

Ключевые слова: политическая система, модернизация, социальная мобилизация, адаптация, политические институты, политическая организация.

В современном информационном обществе все чаще тематизируется проблема кризиса демократии как следствия широкого распространения информационно-компьютерных технологий, позволяющих властным элитам контролировать медийное пространство и манипулировать массовым сознанием. В последние годы даже появились новые термины «информационная автократия» и «информационная диктатура», отражающие специфику политических вызовов, стоящих перед поздним модерном. В этих условиях необходимо переосмыслить старые подходы к проблеме политической модернизации, которые сложились в транзитологии второй половины XX в. Первые концепции демократического транзита сложились после окончания Второй мировой войны, когда в странах гитлеровской коалиции (Германии, Италии, Японии) под контролем и при непосредственном участии США (знаменитый план Маршалла) начался процесс последовательной демократизации. В 1951 г. вышла знаковая работа Ф. Хермса «Европа между демократией и анархией», заложившая теоретико-методологические основания новой исследовательской парадигмы, в фокусе внимания которой был процесс перехода (транзита) от тоталитарных режимов к либеральной демократии западного образца. Согласно первому этапу в развитии транзитологии, «чтобы достичь демократической стабильности, необходимо заменить систему пропорционального представительства и ввести выборную систему большинства» [1, с. 130]. Согласно классической теории 50-60-х гг. прошлого столетия политическая модернизация развивающихся стран предполагала ряд структурных сдвигов, направленных на: 1) стимулирование экономического роста, проведение аграрных реформ и индустриализацию, ликвидацию значительных разрывов в уровне благосостояния между «высшими» и «низшими» слоями населения, развитие

системы образования, формирование «среднего» класса (С. М. Липсет); 2) становление современной гражданской культуры, новых политических ценностей и культурных норм, предполагающих высокий уровень социального доверия и толерантности к инакомыслящим (Г. Алмонд, С. Верба). Одновременно в работах Б. Мура (младшего) и Р. Даля была детально проанализирована взаимосвязь между спецификой антифеодалных революций, происходивших в развивающихся странах, соотношением политических сил в системе «землевладельческая аристократия – крестьянство – буржуазия», уровнем коммерциализации сельского хозяйства, характером институционализации и специализации политических функций и возможностями перехода к стабильной демократии.

В постмодернистских концепциях модернизации политический транзит рассматривался как переход от обществ «закрытого» типа к «открытым» социальным системам, способным к рефлексивной самоорганизации на основе институтов консолидированной демократии. На смену структурно-функциональному анализу приходит «акторный» подход, позволяющий выяснить, каким образом конкретные события, создающие историческую канву модернизации, могут повлиять на судьбу политической модернизации и привести к установлению демократического, либо авторитарного режимов (Ф. Шмиттер, Х. Линц, Д. Растоу, С. Хантингтон и др.).

Новый этап в развитии транзитологии был связан с анализом процессов восстановления, либо возникновения демократических институтов в условиях глобализации. Отвергая возможность выделения «универсальной независимой переменной» для объяснения процессов демократизации обществ с различными культурно-цивилизационными основаниями, С. Хантингтон отмечает, что «причины демократизации существенно различаются в зависимости от места и времени. Множественность теорий и разнообразие опыта свидетельствуют о вероятной справедливости следующих положений: (1) Нет единого фактора, который мог бы служить достаточным объяснением развития демократии во всех странах или в одной отдельной стране. (2) Нет единого фактора, который был бы необходим для развития демократии во всех странах. (3) Демократизация в каждой стране есть результат комбинации причин. (4) Комбинация причин, порождающих демократию, в разных странах бывает различна. (5) Комбинация причин, в общем и целом ответственных за одну волну демократизации, отличается от тех, что ответственны за другие волны. (6) Причины, ответственные за первые смены режимов во время волны демократизации, могут отличаться от тех, что ответственны за более поздние смены режимов той же волны» [2, с. 49–50]. Согласно С. Хантингтону, процессы демократизации «третьей волны»

осуществляются в рамках координат «глобальное – локальное», поэтому вне процессов глокализации невозможно понять не только специфику демократического транзита, но и выявить адекватные новым условиям критерии политической модернизации.

Обращаясь к проблеме перехода к консолидированным формам демократии, следует остановиться на тех аспектах политической модернизации, которые порождают турбулентность социальных изменений, а, следовательно, и возможность срыва модернизационных реформ, отката «волны демократизации». Согласно С. Хантингтону, эти аспекты проявляются не случайно, а в связи друг с другом, что позволяет сгруппировать их в две большие категории. К первой он относит социальную мобилизацию, а ко второй – экономическое развитие, способствующее росту предпринимательской активности и продуктивности общества [3].

Автор выделяет несколько ключевых аспектов политической модернизации. Во-первых, она связана с рационализацией авторитета и заменой большого числа традиционных этических и политических авторитетов одним единственным национальным политическим авторитетом. Политическая модернизация в таких условиях предполагает утверждение внешнего суверенитета нации-государства и внутреннего суверенитета национального правительства, то есть происходит национальная интеграция, централизация и сосредоточение власти в руках тех национальных законодательных институтов, которые признаны обществом. Во-вторых, политическая модернизация предполагает дифференциацию политических функций, а также развитие структур, которые специализированы для выполнения этих функций.

Модернизация – это всегда разрушение прежней, традиционной политической системы. Однако она не обязательно ведет к становлению современных демократических политических систем, хотя и обеспечивает значительную мобилизацию широких масс населения [4]. Углубляя конфликт между традиционными и современными политическими элитами, а также старыми и новыми социальными группами, модернизация актуализирует проблему насилия. Чем выше уровень образования становится у безработных, неудовлетворенных жизнью людей, тем более крайние формы принимает их дестабилизирующее поведение. Социальная мобилизация повышает ожидания, а быстрый экономический рост повышает социальную мобильность, что подрывает общественные связи и повышает количество людей, чей уровень жизни снижается. На фоне увеличивающегося разрыва между богатыми и бедными модернизация требует отвлечения ресурсов на инвестиции в социально-экономические преобразования, а, следовательно, предполагает ограничения потребления. Это усиливает общественное недовольство. Повышение уровня об-

разования и грамотности населения, а также распространение средств массовой информации ведут к росту ожиданий, превосходящих возможности их удовлетворения. Модернизация также обостряет региональные этнические конфликты из-за неравномерного распределения инвестиций и расширяет возможности групповой организации, соответственно, масштабы требований, которые группы предъявляют правительствам.

Немаловажным аспектом модернизации является растущая социальная дифференциация, которая сопровождается ростом политической активности населения. Если это расширение политической активности не сопровождается развитием институтов, то возникают проблемы. Растущая активность в совокупности с низким уровнем развития политических институтов приводит к социальной нестабильности. Поэтому, как показывает С. Хантингтон, действенным средством социальной стабилизации в эпоху перехода является политическая институализация, т. е. формирование массовых партий, выражающих спектр основных социальных интересов. Партии легально включают в политическую жизнь новые активные социальные группы, способствуя лучшему осуществлению процесса модернизации. Но это вызывает сопротивление у традиционного государства, так как консерваторы видят в партиях вызов существующей социальной структуре [3]. «Чтобы успешно справиться с модернизацией, система должна быть в состоянии, прежде всего, обновлять свою политику, т. е. проводить социальные и экономические реформы усилиями государства. Реформа в этом контексте обычно означает изменение традиционных ценностей и форм поведения, распространение средств коммуникации и образования, расширение горизонтов... Второе требование к политической системе состоит в том, чтобы она была способна успешно инкорпорировать общественные силы, вызываемые к жизни модернизацией, чтобы в результате модернизации складывалось новое общественное сознание» [3, с. 152].

Исходя из перечисленных факторов риска политической модернизации, можно выделить несколько важных критериев эффективности демократического транзита в структуре модернизационных изменений.

Согласно С. Хантингтону, главными показателями уровня социализации политической системы является её адаптивность, либо ригидность. Адаптивность – это некая функция, которая показывает давление со стороны окружающей среды и возраста организации. Чем больше окружающая среда требует от организации и чем старше это организация, тем более она адаптивна. Ригидность в большей степени присуща молодым организациям. Возраст её измеряется по нескольким параметрам, хронологически, то есть, согласно длительности существования, еще одной мерой адаптивности является поколенческий возраст [3]. И

организационная адаптивность измеряется в функциональных терминах, то есть организация может ли адаптироваться к изменениям окружающей среды и сколько изменений может она пережить. Самый высокий уровень специализации у той организации, которая пережила несколько изменений на функциональной адаптивности. Она является отличием высокоразвитых организаций. Организации сталкиваются с окружением, которое изменяется, и для того, чтобы выжить, они должны освободить свою нацеленность на выполнение устаревших функций. «Важнейшая проблема политики – это отставание в развитии политических институтов сравнительно с социальными и экономическими изменениями» [3, с. 25].

Следующие критерии, которые выделяет автор – это сложность и простота. Чем более сложная организация, тем выше уровень её институализации. Сложность её может выражаться в нескольких характеристиках, то есть умножение организационных структур в иерархическом принципе, а также дифференциации отдельных типов подразделений, и чем выше это число и разнообразие подразделений, которые имеет организация, тем более высокой будет способность обеспечивать лояльность членов этой организации. Кроме того, если организация преследует много целей, она, в большей степени, способна адаптироваться к утрате какой-либо одной из целей, чем та, у которой только одна цель [5].

Далее, это такие критерии, как автономия и подчинение. Они показывают, насколько вообще политические организации не зависят от других общественных образований и их способов поведения. Если мы берём высокоразвитую политическую систему, то в ней политические организации являются самостоятельными. Они изолированы от влияния политических групп. В менее развитых политических системах они очень сильно подвержены внешнему влиянию, соответственно, неустойчивы вообще. Политическая социализация в качестве автономии говорит о том, что такое развитие политических организаций и процедур, при выполнении которых они не являются простыми выразителями интересов конкретных общественных групп, то есть политическая организация не должна быть инструментом одной общественной группы [4]. В политической системе с высоким уровнем социализации самые важные позиции в управлении обычно доступны только тем, кто прошел обучение на более низких позициях.

Следующим критерием является сплоченность или раздробленность. Чем более сплоченной является организация, тем, естественно, выше уровень её институализации. Институты являются поведенческим выражением морального согласия и общих интересов» [3, с. 31].

Правительства также нуждаются в сплочённости и дисциплине. Не менее важными являются для описания устойчивой политической системы характеристики политических институтов и общественные интересы, которые они выполняют для политических институтов. Являются важными и моральные структурные факторы. Мораль нуждается в доверии, а доверие предполагает предсказуемость, то есть необходимо существование регулятивных и иных форм поведения, когда нет этих прочных политических институтов общества и нет средства для определения реализации общих интересов. Эта система будет неустойчивой, а автор выделяет три традиционных подхода к проблеме общественного интереса [3].

Таким образом, можно сказать, что в политически отсталом социуме нет осознания политической общности, в нем лидер, индивиды и группы разобщены и преследуют свои краткосрочные цели, не принимая в расчёт широкие общественные интересы. Взаимное недоверие, отсутствие конструктивности и лояльности говорят о недостатке такой организации, в то время как политически развитое общество отличается величиной, эффективностью и числом существующих в данной организации обществ [5].

Модернизация, подрывая старые формы власти, разрушая традиционные политические институты, не обязательно создает новые. Но при расширении политической активности масс, она создает необходимость в новых институтах, и организация – это единственный путь политической власти [5]. Но она не является фундаментом политической стабильности и, соответственно, предпосылкой политической свободы. Вакуум власти, который часто возникает в ходе модернизационных изменений, временно может быть заполнен харизматическим лидером или приходом военных к власти, но на постоянной основе власть может успешно функционировать, только создав политическую организацию, поэтому перспективы демократизации связаны с теми, кто организует будущую политику.

Библиографические ссылки

1. Мухаев, Р. Т. Политология: учебник для вузов в 2-х ч. / Р. Т. Мухаев. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2021. – Ч. 2. – 326 с.
2. Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон; пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.
5. Кирсанов, А. И. С. Хантингтон о "Столкновении цивилизаций" в контексте глобальных трансформаций // Философия и общество. – №3. – 2008.